

Спалось мне тяжело, путано и тревожно, но вырваться из этого вязкого полузабытья никак не удавалось. Рядом разливалось мягкое, манящее тепло, исходившее то ли от жаровни, то ли от толстого пухового одеяла. Позволив себе расслабиться, я инстинктивно прильнул к этому источнику тепла, обхватив его руками и ногами. Но стоило ему исчезнуть, как я, лишившись опоры, разочарованно заворчал и приоткрыл глаза.

— Ваше Высочество, выпьете воды? — негромко спросил мужской голос.

Прежде чем я успел сообразить, что к чему, кто-то бережно приподнял мою голову и подложил под поясницу мягкую подушку. Я огляделся. Вокруг было тесно и темно — судя по всему, я находился в каком-то замкнутом пространстве, куда лишь сквозь щели пробивались тонкие лучи света. Не успел я удивиться, как к моим губам поднесли чашу. Послушно сделав глоток, я поморщился от нестерпимой горечи — вода на вкус отдавала щелочью.

Медленно, через силу сглатывая горькую влагу, я скосил глаза на своего спутника. Тот, опустив взгляд, аккуратно расправлял складки на моих одеждах.

Наклонившись к самому моему уху, он негромко произнес:

— Ваше Высочество. Мы уже почти на месте. Советники и министры ждут встречи. Я знаю, что вам нездоровится, но... предстать перед ними все же придется.

От этих бесконечных обращений мое едва успокоившееся сердце вновь пустилось вскачь.

Я бесцеремонно протянул руку и взял его за подбородок. Мужчина опешил, но сопротивляться не стал. Я долго всматривался в его лицо и наконец осознал: передо мной стоял Чжун Бочэнь.

«Ну все. Пропал».

Внутри у меня все похолодело. Если даже прыжок в озеро не помог мне очнуться, значит, это никакой не сон. К горлу подкатил ком удушья. Я несколько раз беззвучно открыл и закрыл рот, сиюсь выдавить хоть слово, и наконец нерешительно спросил:

— Где мы?

— Вы вернулись домой, Ваше Высочество, — ответил Чжун Бочэнь. Его взгляд скользнул по кончику моего носа и устремился куда-то в сторону. — Все эти годы на чужбине вам пришлось несладко.

«Домой?! Какая еще чужбина, какой дом?!»

Вздрыгнув, я резко сел и рванул занавеску. Внутри хлынул яркий дневной свет, на миг ослепив

меня. Прищурившись, я успел разглядеть снаружи людские силуэты, а следом мимо проплыли очертания высоких крепостных стен и массивных городских ворот.

— Ваше Высочество, вам нельзя простужаться, — мягко, но настойчиво проговорил он, осторожно убирая мою руку от окна.

Откинувшись на подушки, я огляделся по сторонам и окончательно понял, что нахожусь в движущемся экипаже. Заметив мою растерянность, он помахал ладонью перед самым моим носом, так что у меня едва глаза не съехались к переносице.

— Ваше Высочество, мы въехали в Хунмэн. Мне необходимо прямо сейчас прояснить для вас несколько вещей, чтобы вы не растерялись перед двором, — продолжал Великий канцлер.

Я тупо уставился на него, зацепившись за первое название:

— Хунмэн?

Он замер, и его лицо стремительно помрачнело. Не понимая, в чем провинился, я робко добавил:

— Наша столица?

—... Ваше Высочество, — он внезапно подался вперед, обхватил мою голову руками и, бесцеремонно сжав мои щеки пальцами, заглянул мне прямо в глаза.

От такой беспардонности я застыл, боясь даже вздохнуть. Великий канцлер долго изучал мои зрачки и наконец глухо спросил:

— Ваше Высочество, скажите мне правду. Вы действительно лишились рассудка?

Его глубокий, пронзительный взгляд заставил меня вновь пережить то пугающее чувство невесомости, когда я тонул в озере.

«Я сошел с ума? Да я бы только рад был! Будь я безумен, разве очутился бы внутри собственного сценария?»

Но самое скверное заключалось в том, что рассудок мой работал безупречно. Я до мельчайших подробностей помнил весь сюжет от начала до конца.

Возвращение домой. Главный герой возвращается в родную империю после долгих пяти лет пребывания в заложниках. Вот только это триумфальное возвращение — лишь пролог к

будущей трагедии.

В моем сценарии перед самым отъездом герой открыл душу наследному принцу Ли Цину. Тот в знак ответных чувств преподнес ему расшитое змеями парадное одеяние и нефритовый пояс. Герой хранил этот дар как величайшую драгоценность, искренне веря, что нашел свою судьбу. Но на деле...

Эта его «любовь всей жизни» оказалась знатным подлецом и ловушкой.

Смахнув холодный пот со лба, я не без труда отпихнул руки Чжун Бочэня, все еще сжимавшие мое лицо, и задумался.

«Похоже, мой мозг застрял в каком-то аномально реалистичном сне. С точки зрения медицины, я, должно быть, отравился паленым алкоголем и впал в кому. Тело мое сейчас наверняка лежит в реанимации, и проваляюсь я так лет двадцать, не меньше. Раз уж так вышло, паниковать бессмысленно. Почему бы просто не сыграть свою роль?»

— Значит, я вернулся, — я напустил на себя невозмутимый вид и поудобнее устроился на подушках, спрятав руки в широкие рукава. — Наследный принц Ли Цин... передавал что-нибудь?

Он ошеломленно уставился на меня. Он был явно недоумен: как я умудряюсь так мгновенно менять маски?

Впрочем, великий канцлер соображал быстро. Слегка опустив веки, он сухо ответил:

— Ничего.

«Ого!»

Я мгновенно приободрился.

Кажется, ход событий в моем сценарии начал меняться. Перед отъездом я ведь не пошел на тайное свидание с Ли Цинем, а предпочел искупаться в пруду. Выходит, слезливая сцена взаимных признаний сорвалась, а значит, и злополучное парадное платье с поясом ко мне не попали.

В обычных романах подобный подарок символизировал бы вечную преданность. Но в моей истории именно этот проклятый наряд погубил главного героя: когда старшие братья обнаружили у него вещи вражеского наследного принца, его тут же обвинили в предательстве и жестоко казнили. Раз уж подарка нет, то и признания не было. А значит, я остаюсь стопроцентным, непрошибаемым гетеросексуалом!

«Вот и славно».

Я облегченно погладил себя по груди и невольно заулыбался. Провалиться в собственный сценарий — полбеда, но вот обнаружить себя в теле парня нетрадиционной ориентации было бы куда более сокрушительным ударом.

Не успел я порадоваться, как он снова пододвинулся ко мне вплотную. Я поспешно выставил руки вперед, удерживая его на расстоянии:

— Почтение прежде всего! К чему садиться так близко? Говорите оттуда.

Великий канцлер послушно отстранился, сохранив на лице маску абсолютного спокойствия.

— Простите мне мою дерзость, Ваше Высочество. Значит... вы все-таки притворялись безумцем?

— Сам не знаю, — я поглубже забился в угол экипажа, стараясь держаться от него подальше.
— Считайте, что я и вправду лишился ума.

Чжун Бочэнь был ключевым персонажем моей истории — преданным, невероятно одаренным государственным мужем. И надо же было главному герою оказаться столь слепым! Ради безумной мечты Ли Цина объединить Поднебесную он собственными руками погубил этого человека. И лишь перед смертью канцлер признался ему в своих чувствах...

«И теперь этот статный мужчина, способный совратить даже самого стойкого праведника, сидит прямо передо мной».

Осознание этого заставило меня почувствовать себя крайне неудобно. Я покрепче прижал к себе свернутое одеяло, используя его как надежный щит, и продолжил осторожно его разглядывать.

Он молчал. Он сидел безупречно прямо, холодный и отстраненный, словно заснеженная сосна на вершине утеса. Идеально очерченные брови, глубокий взгляд — истинное воплощение благородного мужа, сошедшего с древнего свитка.

Я не мог отвести от него глаз, и в моей голове зароились вполне логичные сомнения.

«И как только главный герой умудрился променять такого человека на лживого негодяя Ли Цина?»

Впрочем, я тут же мысленно одернул себя. Цэнь Юэ — всего лишь персонаж, и его чувства зависели исключительно от каприза моей писательской кисти. Какая тут может быть логика?

Однако в глубине сознания вдруг всплыли смутные воспоминания о пяти годах плена. Ли Цин действительно относился к нему тепло. Пока остальные смотрели на чужеземного заложника с презрением или равнодушием, наследный принц оберегал его от нападок и скрашивал унылые будни.

«Но постой... Я ведь никогда не расписывал эти подробности в сценарии. Откуда тогда взялись все эти воспоминания? Мой мозг сочиняет их на ходу?»

Должно быть, мое молчание затянулось. Он долго и пристально разглядывал меня, после чего негромко заговорил:

— Ваше Высочество, когда предстанете перед двором, умоляю вас — держите себя в руках. Обстановка в столице сейчас крайне запутанная. Главное для вас — обезопасить себя.

— И насколько все плохо? — страх перед будущим мгновенно уступил место любопытству, и я заинтересованно подался вперед.

Он взял с небольшого столика глиняный чайник и налил мне горячей воды. Я принял чашу, согревая озябшие пальцы, но пить не стал. Он не настаивал и неторопливо продолжил:

— Возможно, до вас еще не дошли вести. Принц Чун поднял мятеж. Генерал Вэй Чэн сумел подавить бунт в столице, но мятежники отступили на юг. Теперь империя расколота надвое по реке Аньхэ. Мятежный принц Чун основал Южный двор, мы же — Северный двор. Ныне государством правит Вдовствующая императрица, объявившая себя регентом, а принц Цзинь стал Помощником государства.

Я лишь молча кивнул. Эти детали были прописаны в моем сценарии весьма подробно.

Принц Чун, наш старший брат Цэн И, по всем законам должен был унаследовать трон. Однако наш августейший отец — покойный император — погиб в военном походе, так и не успев составить письменного указа о престолонаследии. Моя матушка, Вдовствующая императрица, не теряя времени, решила возвести на престол своего любимчика — моего младшего брата, принца Цзиня.

Императрица стояла на своем, твердя, что только рожденный ею сын имеет право на власть. Старший брат, отличавшийся крутым нравом, прямо обвинил матушку в узурпации, заявив, что мальчишка слишком юн и неопытен, а сама она лишь ищет послушную марионетку для личного правления. В итоге словесная перепалка переросла во всеобщую резню. Большая часть чиновников приняла сторону столицы, а великий генерал Вэй Чэн, чей голос стал решающим, поддержал нас. Поняв, что дело проиграно, принц Чун увел свои войска на юг и закрепился за рекой Аньхэ, готовясь к затяжной войне на истощение.

— С братом еще можно договориться, — задумчиво протянул я. — Он пошел против матушки лишь от обиды за несправедливость. Цэн И честен и благороден, он не станет наносить удар в

спину. Меня куда больше беспокоят внешние враги. Что слышно о тюрках?

Чжун Бочэнь испытал сложную гамму чувств, в которой смешались удивление и облегчение.

— Ваше Высочество, вы столько лет провели на чужбине, но ваши мысли по-прежнему заняты судьбой родины. Это заслуживает глубокого уважения. Тюрки действительно активизировались. Три месяца назад их конница прорвала оборону у заставы Холодной долины. Генерал Цзи Оу пал в бою, удерживая позиции. Лишь благодаря отчаянному натиску генерала Вэй Чэна нам удалось вернуть заставу под свой контроль.

— И то ладно, — выдохнул я с явным облегчением.

Главной угрозой для империи всегда оставались степные племена под предводительством Ашинамэя Чжэи. Этот хитрый и коварный вождь никогда не упускал возможности поживиться за наш счет во время внутренних смут. Заставы Холодной долины и Медной алебарды служили главными щитами на северных рубежах. Стоило пасть хотя бы одной из них — и орды кочевников хлынули бы во внутренние провинции, предавая все огню и мечу.

Внезапно экипаж плавно остановился. Занавеска приподнялась, и в щель заглянул Сюй Чанчжи.

— Ваше Высочество, господин Великий канцлер, только что доложили: у дворцовых ворот нас ожидает Вдовствующая императрица в сопровождении принца Цзиня. Прикажете ехать напролом или свернуть в обход?

— Едем прямо, — коротко бросил он.

Страж исчез, и колеса вновь застучали по мостовой. Я задумчиво потер подбородок:

— Матушка и младший брат лично встречают меня у ворот? Пожалуй, мне стоит сойти и засвидетельствовать ей почтение.

— Излишне. Вы ранены, — отрезал Великий канцлер. Он неожиданно придвинулся ближе и мимоходом коснулся ладонью рукояти висевшего на поясе меча.

Я не удержался от смешка:

— Оружие на поясе книжника выглядит нелепо, словно пятое колесо у телеги. Вы ведь даже мечом владеть не умеете. Неужели собираетесь запустить им в мою матушку?

— Как можно, Ваше Высочество, — он негромко рассмеялся и прищурился, и его глаза напомнили два тонких полумесяца. — Но защитить вас я сумею.

Прикрыв рот ладонью, я зевнул и, опершись на его плечо, приподнялся:

— Бросьте. Матушка не станет рубить мне голову при всем честном народе — иначе ее драгоценному младшему сыну несдобровать. Вы ведь привезли меня обратно с той же целью, что преследовал и старший брат: не дать этой властолюбивой, но недалекой женщине окончательно погубить империю. Армия подчиняется генералу Вэй Чэну, а не принцу Цзиню или императрице. Вы же с генералом — давние союзники. Получается, судьба престола сейчас целиком и полностью в ваших руках.

Чжун Бочэнь мгновенно окаменел. Он был глубоко изумлен и насторожен. Его кадык судорожно дернулся, но он так и не нашел что ответить. Его замешательство красноречиво подтверждало мою правоту.

— Но учтите: императором я не стану, — твердо отрезал я, пресекая любые далекоидущие планы Великого канцлера. — Я прекрасно понимаю, зачем вам понадобился законный повод, чтобы приструнить матушку. У вас просто не осталось выбора. Старший брат поднял бунт, шестой еще слишком мал и глуп, а остальные разбежались кто куда при первых же признаках угрозы. Я провел пять лет в плену, но по-прежнему остаюсь законным принцем. И как бы матушке ни хотелось этого признавать, мои права на престол неоспоримы.

— Вы полагаете, я использую вас в своих целях? — в голосе Чжун Бочэня зазвучали холодные, суровые нотки. — Извольте знать, почему я так спешил вернуть вас на родину? Вовсе не потому, что Северному двору срочно потребовался законный наследник. Старший брат назначил за вашу голову награду в тысячу золотых, а матушка-императрица уже подслала к вам наемных убийц. Я боялся, что принц Чун растерзает вас, попадись вы ему в руки, и понимал, что на таком расстоянии мы не сможем уберечь вашу жизнь от ядов матушки. Лишь поэтому я сделал все, чтобы вы поскорее оказались здесь.

Мне стало не по себе. На душе заскребли кошки от осознания собственной подозрительности.

Почесав кончик носа, я попытался загладить неловкость:

— Что ж, тем лучше. Но и вы не судите меня строго. Столько лет обо мне никто и не вспоминал, а тут страна раскололась — и меня спешно тащат назад. Любой бы на моем месте испугался.

Чжун Бочэнь ничего не ответил, лишь демонстративно отвернулся, явив мне свой безупречный, но совершенно безучастный профиль.

Экипаж проехал еще немного и окончательно замер под гул приглушенных голосов снаружи. Занавеска резко распахнулась, и на пороге показался взволнованный Сюй Чанчжи:

— Вдовствующая императрица приказала перекрыть дорогу. Нас не пропускают.

Чжун Бочэнь нахмурился:

— Прорывайтесь силой.

— Но... — Сюй Чанчжи замялся, его лицо побледнело, а голос упал до едва различимого шепота: — Великий генерал Вэй Чэн... тоже там.

Великий канцлер застыл. Судя по всему, к такому повороту событий он готов не был.

Пользуясь его замешательством, я осторожно выглянул наружу через плечо стражника. Ого! Площадь перед дворцовыми воротами буквально кишела людьми — никак не меньше сотни вооруженных гвардейцев преграждали путь. В самом центре на роскошном паланкине восседала моя августейшая матушка в богатых парчовых одеждах. А прямо перед ней на великолепном боевом скакуне высился могучий, широкоплечий воин. Он пристально разглядывал наш экипаж и в ту же секунду встретился со мной взглядом.

<http://bllate.org/book/19811/2028607>